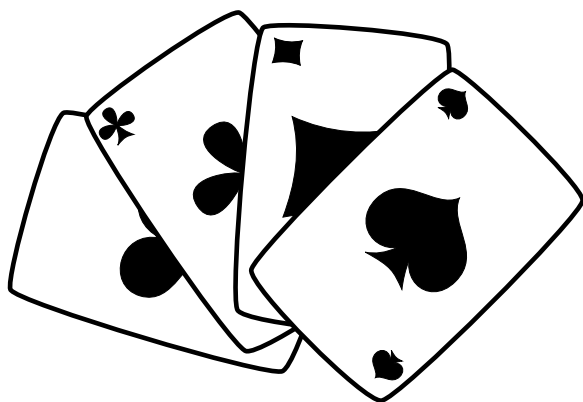

ПОЛЬ АЛТЕР

чай, кофе
и убийства

ПОЛЬ АЛТЕР

**ЧЕТВЕРТАЯ
ДВЕРЬ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
А58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LA QUATRIEME PORTE

Перевод А. Литинского

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

Альтер, Поль.

А58 Четвертая дверь : [роман] / Поль Альтер ; [пер. А. Литинского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-105091-7

«Четвертая дверь» – первая книга о приключениях доктора Алана Твиста, на страницах которой читателя ждут невероятные события, граничащие с самой настоящей магией, – убийства в запертой комнате и преступники, не оставляющие следов.

В небольшой английской деревне происходит череда загадочных убийств. Сначала в запертой комнате на чердаке особняка Дарнли обнаруживают обезображенное тело его владелицы. С тех пор никто из арендаторов этого особняка в нем долго не задерживался. Все из-за царящей там жуткой атмосферы – скрип шагов на чердаке, мерцающий свет в окнах нежилой комнаты...

Однако семейной паре Латимеров столь мрачная репутация Дарнли только на руку – лучшего дома для Элис Латимер, известной своими талантами медиума, просто не найти. Но первый же спиритический сеанс в особняке завершился жестоким убийством, произошедшим все в той же запертой и опечатанной комнате на чердаке, да еще с подменой тела – на месте убитого оказался человек, которого уже несколько лет считали погибшим!

С каждой новой главой загадок становится только больше, а события приобретают мистический оттенок...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Paul Halter et Librairie des
Champs-Élysées, 1987
© Paul Halter, 2007
© Перевод А. Литинский, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105091-7

С благодарностью Ролану Лакурбу, чьей превосходной работой «Гудини и его легенды» (издательство «Techniques du Spectacle», Страсбург) я воспользовался при написании глав, освещающих жизнь Гудини.

П.А.

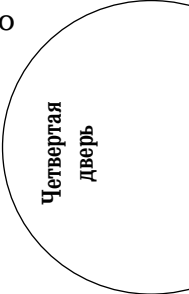
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

СВЕТ ПОСРЕДИ НОЧИ

В тот день я рано отправился к себе в комнату, вознамерившись приятно скоротать вечерок за книгой. Но едва я устроился, как сразу услышал осторожный стук в дверь — лучшего момента моя сестрица, разумеется, найти не могла.

Хотя в свои восемнадцать она уже была чрезвычайно обаятельной девушкой, иногда я задавался вопросом, понимает ли Элизабет это сама. В последние месяцы она еще сильнее похорошела, что не осталось незамеченным Джоном Дарнли, который повсюду, но как-то нерешительно, волочился за моей сестрой. А та, несомненно польщенная его стараниями, имела виды на Генри Уайта, нашего соседа, по совместительству являвшегося и моим лучшим другом. Генри же, несмотря на обычную напускную самоуверенность, удивительно

Четвертая
дверь

стеснялся девушек. Правда, только слепой не заметил бы, что Элизабет покорила и его.

— Я тебя не отвлекаю, Джеймс? — спросила она. Ее рука застыла над дверной ручкой.

— Конечно, нет, — многозначительно вздохнул я, не отрывая глаз от книги.

Элизабет села на мою кровать, склонив голову и нервно переплетя пальцы. Она немного помолчала, а затем подняла на меня большие карие глаза.

— Джеймс, нам нужно поговорить.

— Да?

— Да. О Генри.

Я знал, что последует дальше: мне жизненно необходимо будет выступить посредником между двумя людьми, слишком гордыми или слишком застенчивыми, чтобы обнажить свои чувства.

Элизабет вырвала книгу у меня из рук и резко повысила голос:

— Ты будешь слушать, Джеймс?

Пораженный такой внезапной переменой тона, я посмотрел на нее, попутно зажигая сигарету. Впрочем, мысли мои занимало лишь то, как бы выпустить идеально круглое кольцо дыма. В детстве я больше всего любил выводить сестру из себя, сохраняя равнодушие, когда она находилась на взводе. Расчет состоял в том, что Элизабет от гнева

сама накрутит себя до бешенства. Стыдно признаться, но сноровка у меня еще сохранилась. Впрочем, в этот раз, не желая выслушивать очередную истерику, я смягчился.

— Слушаю внимательно.

— В общем, Генри. Он...

— Генри, — с понимающим видом повторил я. На ее лице промелькнуло удивление. — Одну минуту.

Я встал, шагнул к книжному шкафу, вытащил оттуда увесистую энциклопедию и, положив ее на колени, серьезно заявил:

— Раз уж эта тема вызывает такой интерес, я взял на себя труд написать скромненькую восьмисотстраничную монографию. Вот первый том...

Еще чуть-чуть — и сестра задохнулась бы от ярости. Я перехватил ее только у двери. Окончательно Элизабет успокоилась минут через пять.

— Ладно, продолжай, старший брат не бросит тебя в беде. — Старше ее, надо сказать, я был всего на год, но прозвучало эффектно.

Она набрала в грудь воздуха и выпалила:

— Я люблю Генри.

— Очень хорошо. Скажи что-нибудь по-новее.

— Генри тоже любит меня.

— И про это я в курсе.

— Но он слишком застенчив, чтобы открыться.

— Просто подожди немного. Вот увидишь, пройдет время, и...

— Мне как-то неудобно делать первый шаг. Да и не в моих это правилах. Разве я похожа на..?

— «Ах, он примет меня за одну из тех девиц, которые...» Давай не будем уходить в такие дебри.

Наступила тишина. Элизабет яростно потерла глаза.

— Три дня назад я действительно думала, что он наконец-то поцелует меня. Мы брели по тропинке к лесу. Стало темнеть, и я пожаловалась ему на холод. Генри приобнял меня за плечи, повернулся и — клянусь, Джеймс, — чуть не поцеловал! Причем он очень хотел — его выдал взгляд. Но что же учудил Генри? Нагнулся, поднял откуда-то с земли старую бечевку и сказал: «Элизабет, смотри фокус!» И завязал дюжину узлов.

— А потом?

— Потом, — продолжила она, еле сдерживая слезы, — он снял туфли и...

— И?

— Снял носки.

— Элизабет, даже не продолжай, я догадаюсь сам. Генри развязал узлы пальцами ног!

— Именно, — простонала сестра. — Он даже не прикоснулся ко мне!

Я не смог сдержать улыбку:

— Старина Генри весь к твоим услугам!

— Не смешно.

— Да ладно, сестренка, как ты не понимаешь? Он ведь пытался развлечь тебя, даже — осмелюсь сказать — очаровать. Это у него манера такая...

— Я бы предпочла, чтобы он просто меня поцеловал, — скорчила она гримасу.

Удивительный парень наш Генри. Он показал, насколько отличается от остальных еще при рождении, появившись на свет преждевременно и поменяв тем самым планы всей семьи. Однако его мама души в нем не чаяла, и, купаясь в ее щедрой любви, заботе и внимании, мальчик в мгновение ока превратился в крепкого, непоседливого юношу с неумной энергией. Его страстью стали цирк и акробатика, и, несмотря на запрет, наложенный отцом, известным писателем, Генри частенько бегал к местному шапито и бесился с труппой. Он и там продемонстрировал недюжинный талант жонглера, акробата, ловкача и фокусника. По прошествии нескольких лет его родители, наконец, смирились с неизбежным, и с того момента каждые долгие каникулы Генри исчезал из дома на несколь-

ко недель и колесил по городам вместе с цирком. Там он зарабатывал себе на карманные расходы, хотя отец великодушно выделял ему неплохое пособие, но главным для моего друга было — и остается по сей день — страстное, почти патологическое, желание везде стать первым. Развязывание узлов ногами — в этом весь Генри.

Изо всех сил сдерживая смех, я успокоил сестру:

— Подожди до следующего раза. Он просто прикрывает робость, пытается поразить тебя своими талантами.

— Я верю. Только настроение у меня испорчено до сих пор. Послушай, Джеймс, ты должен с ним поговорить. Разумеется, сдержанно, благородно, но ему необходимо понять. Иначе...

Я вскинул бровь.

— Иначе я приму предложение Джона, — бесстрастно продолжила Элизабет. — Конечно, перспективы открываются не самые великолепные. Да, он простой механик, но в нем есть определенный шарм, так что...

— Почему ты взваливаешь все на меня? Я не твой личный... Бетти! — вскричал я. — Проси о чем хочешь, только не об этом! Генри ревнивый до невозможности. Он будет метаться, как тигр, и никогда меня не простит. А я не хочу терять лучшего друга!

— Ревнивый? Отлично! — воскликнула она. — Только вот он едва выказывает интерес ко мне, с чего бы тут ревновать? В любом случае...

Не договорив, сестра неожиданно залилась слезами. Я тактично хранил молчание.

— Я люблю Генри, Джеймс, но сколько можно ждать? Ты обязан помочь. Его родители уехали в Лондон, и он сейчас на хозяйстве в доме один. Пожалуйста, поговори с ним, объясни...

— Ладно, — устало прервал ее я. — Схожу, посмотрю, что можно сделать, но заранее ничего обещать не буду. — Часы показывали почти девять. — Так. Наверное, Генри еще не спит.

Элизабет подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Света в окнах нет, но... О Джеймс! ДЖЕЙМС! — внезапно взвизгнула она.

В два прыжка я подлетел к ней.

— Там... Я видела какой-то проблеск, — испуганно пролепетала Элизабет.

— Где? Кроме фонаря, ничего не горит.

Она показала на дом Дарнли.

— Мне точно не почудилось. Неясный свет, он зажегся всего на секунду, в той самой комнате, где миссис Дарнли...

Я тщательно осмотрел хорошо знакомый пейзаж. Мы жили на краю небольшой дере-

веньки близ Оксфорда, и дорога, проходящая слева, заканчивалась как раз возле наших владений. От нее вела в лес и там исчезала грязная проселочная тропа, по сторонам которой находилось еще по одному дому. Правый принадлежал Уайтам, левее же, на самом перекрестке, располагался мрачный и неприветливый особняк Дарнли из красного кирпича. Вход в это высокое здание с остроконечной крышей скрывала внушительная изгородь, а по стенам висела грязноватая мантия плюща. Единственной усадой для глаз служила великолепная плакучая ива. Она смягчала тревоги куда больше, чем богатое разнообразие тисов, сосен и других хвойных деревьев по другую сторону дома, в ветвях которых мрачно завывал ветер. Тягостное впечатление от этого зловещего участка ощущалось почти физически, и моя сестра со свойственным лишь ей воображением окрестила его «Грозовой Перевал». Само здание в одночасье приобрело дурную репутацию за год или два до начала Второй мировой войны. Джону тогда еще не исполнилось двенадцать.

Его отец, Виктор Дарнли, управлял собственной фабрикой, и жизнь у них текла как по маслу: дело процветало, а в семье царил мир и согласие. Виктор очень гордился сыном и женой, приятной, скромной

женщиной, которую в нашей деревне уважали все. Однажды, вернувшись октябрьским вечером из Лондона, Дарнли-старший застал свое жилище в необычайной тишине. Отсутствие Джона удивления не вызвало: он иногда заигрывался у друзей, однако супруга в такой час почти всегда находилась дома. Виктор поспрашивал соседей, но женщину никто не видел, и к тому времени, когда он нашел сына и вернулся к себе, стояла уже глубокая ночь. Он обыскал дом самостоятельно. Одна комната на верхнем этаже, переделанная под кладовку, была заперта изнутри. Охваченный ужасом, Виктор взломал дверь. Картину, представшую перед его глазами, он так никогда и не смог забыть. Жена лежала на полу в огромной темной луже. Пальцы правой руки сжимали кухонный нож, на обоих запястьях кровоточили раны. Все ее тело будто изрезал мясник. Поскольку засов на двери задвинули, а окно заперли изнутри, единственным объяснением могло служить самоубийство. Но какое самоубийство!

Возможно, у миссис Дарнли случилось помутнение рассудка, внезапный и крайне жестокий приступ. Ни одна душа, включая ее мужа и сына, не смогла придумать хоть сколь-нибудь рациональное объяснение ее поступку. И, как ни прискорбно, с того дня